

ЭПИТЕТ И ЭПИТЕТОИД В ТЕКСТАХ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

С.А. Губанов

*Кандидат филологических наук,
доцент кафедры германских языков
e-mail: gubanov5@rambler.ru*

*АНО ВО Самарский университет государственного управления
«Международный институт рынка»*

В статье уделяется внимание ключевому понятию стилистики художественного текста – эпитету, его функционированию в текстах Марины Цветаевой. В работе разграничиваются такие явления, как эпитет, логическое определение и признаковая лексика; обращается внимание на их стилистический эффект и семантическую составляющую; дается определение эпитету и эпитетному комплексу, а также эпитетной парадигме. В поле внимания попадают эпитетоиды, признаковые слова, совмещающие в своей семантике признак и другой компонент значения. Доказывается, что в текстах великих русских поэтов, к числу которых по праву относится Марина Цветаева, адъективная лексика выступает в функции эпитета, а потому не может быть отнесена к квазиэпитетам. Уделяя повышенное внимание эпитетам, поэт выражает в рамках признакового семантического поля весь спектр различных авторских смыслов, что привело к необходимости ввести в научный оборот понятие эпитетной парадигмы творчества.

Ключевые слова: *стилистика, эпитет, эпитетоид, Марина Цветаева, идиостиль.*

Востребованными и недостаточно изученными в современной лингвистике текста и когнитивной поэтике являются вопросы, связанные с дискурсивным и когнитивным функционированием различных тропов и фигур речи в различных типах текста и дискурса. С позиции когнитивной лингвопоэтики возможно дать новые ответы на механизмы означивания реальности художником слова, исходя из особенностей его креативного мышления. Одним из таких проблемных участков теории метафоры и стилистики художественного текста выступает общая эпитетология. Понятие эпитета, на первый взгляд кажущееся вполне традиционным и малоинтересным для изучения, проливает свет на многие вопросы, связанные с особенностями формирования идиостиля, с логикой выбора типа лексики автором, с отбором языковых средств, с сочетанием авторских и общепозэтических словоупотреблений и т.д.

Настоящее исследование выполнено на стыке нескольких научных лингвистических подходов, а именно: *лингвокогнитивного подхода*, в рамках которого изучается механизм образования переносных значений и логика таковых переносов, *лингвосемиотического подхода*, обращющего

внимание на особенности семиотизации ситуации, попадающей в поле зрения автора, а также *лингвостилистического подхода*, дающего возможность сосредоточиться на закономерностях функционирования тех или иных типов образных средств языка в контексте идиостиля.

В статье дадим определения таким понятиям, как эпитет, эпитетоид, эпитетный комплекс, эпитетная парадигма и мегаэпитет; на основе эмпирического материала докажем, что разграничение эпитета и эпитетоида не является продуктивным для лингвопоэтики и вовсе не применимо к творчеству Марины Цветаевой.

Понятие эпитета. Эпитет рассматривается как классическое средство выражения признака, как правило, в художественном дискурсе. На данной функции специализируется имя прилагательное (адъектив), а также наречие. Другие части речи признаются многими учеными как второстепенное средство репрезентации функции эпитета, а потому как окказиональные и не укладывающиеся в общую логику развертывания эпитетного слова. Неслучайно обращаем внимание на этот факт, поскольку в настоящей трактовке эпитета нет и не может быть основного или второстепенного средства экспликации признака: в художественном дискурсе любая часть речи, имеющая признаковую семантику, способна стать эпитетом.

Если взять прилагательное в качестве основного и самого распространенного экспликатора эпитета, то и здесь не все так однозначно. Принимая во внимание тот факт, что качественное прилагательное чаще всего является самым распространенным типом эпитета, нельзя сказать, что в авторском тексте можно с точностью определить разряд и тип адъектива. Многими лингвистами было замечено, что основной класс прилагательных (см. эпитетов) формируется «качественно-относительными» прилагательными [Глушкова 2000; Тазиева 1991]. Е.М. Вольф считает, что «любое относительное прилагательное может перейти в качественное, когда в нем актуализируются те или иные качественные семы» [Вольф 1978: 33], что позволяет сделать вывод о том, что прилагательное принципиально любого разряда может стать эпитетом. Наречие и некоторые типы аппозитивов (субстантивов) также включаются в ядерную часть эпитета, но последние – с явной оговоркой, если они выполняют функцию характеристики. Вообще обращение внимания на функции не является основным признаком, маркирующим статус лексемы как эпитета: все зависит от семантики единицы (признаковая) и логики ее образования, а далее – употребления.

Семантические процессы, происходящие в значении адъектива, рассматриваются по-разному. Работ, посвященных *когнитивным* механизмам образования эпитета, очень немного [Померанец 2004; Юдина 2006]. Но именно когнитивные исследования позволяют исследовать эпитетные слова не поверхностно по выполняемым ими

функциям или по производимому в контексте стилистическому эффекту, а исходя из логики их появления в контексте идиостиля.

Принимая во внимание вышесказанное и основываясь на широкой трактовке эпитета, в настоящей работе *эпитет понимается нами как определение реалии (субъекта) принципиально любой части речи, которое функционирует в качестве языковой единицы с приращенным смыслом, всегда контекстуально наполненное и акцентированное в контексте автором.*

Понятие эпитетоида. Статья Н.П. Булаховой и А.П. Сковородникова «К определению понятия эпитет (предуготовление к функциональной характеристике)» [Булахова, Сковородников 2017] является одной из центральных в эпитетологии, появившихся в последние годы. В ней описывается опыт типологии эпитетов, дается определение эпитета, разграничивается эпитет и эпитетоид и т.д. Попытка выявить тонкую грань между эпитетом и смежными явлениями представляется очень актуальной, поскольку в литературе так и нет единого мнения относительно близких к эпитету лексем. Именно в данной статье вводится понятие квазиэпитета, *эпитетоида*, под которым авторы понимают нетипичные формы выражения эпитета, а потому не всегда опознаваемые как эпитеты: это имена числительные, местоимения, причастия и деепричастия. Акцентуация внимания именно на глагольных формах эпитетов как эпитетоидах представляется нам не совсем удачной, поскольку в них как раз и заключен признаковый семантический компонент. Несмотря на это, само понятие эпитетоида кажется интересным и заслуживающим его развенчания, так как при широкой трактовке эпитета причастие входит в ядро экспликации эпитета, что далее будет показано на конкретном материале.

Наверное, точнее было бы сказать, что в эстетическом языковом пространстве определение – всегда потенциальный эпитет в зависимости от восприятия читателя. В нехудожественной речи эпитету соответствует экспрессивное определение. Но правомерно ли признавать такие случаи возникновения эпитета эпитетоидами (термин Н.П. Булаховой, А.П. Сковородникова)? В таком случае дискуссия о разграничении эпитета и определения принимает разноречивый характер и сводится к типу определения эпитета: широкому (в таком случае эпитетоид явно оказывается лишним) или узкому (эпитетоид заслуживает отдельного рассмотрения).

Понятие эпитетного комплекса. В работе вводится термин *эпитетный комплекс*. Н.В. Юдиной установлено, что *эпитетный комплекс* (в ее терминологии – конструкция «прилагательное+существительное») участвует в когнитивной рубрикации мира, выделяя новые реалии и номинируя их. *Атрибутивно-субстантивный комплекс* находится между полностью свободными и устойчивыми сочетаниями, хранится в мозгу

носителей языка в виде целостной когнитивной структуры, имеющей имплицитный «надсмысл», основанный на фоновых знаниях индивида [Юдина 2006: 12]. Таким образом, этот комплекс выступает в качестве некой пропозиции, инварианта и воспроизводится любым носителем языка во многом автоматически. Развивая данную мысль, можно сказать, что в рамках авторского текста также на когнитивном уровне задается логика употребления эпитетных комплексов, где можно предсказать индивидуальные словоупотребления, основываясь на идиолектных закономерностях.

Эпитетный комплекс – высказывание, содержащее несколько эпитетов, единства эпитета и определяемого слова, связанных формой (общей структурой) и значением (семантикой).

Понятие эпитетной парадигмы и мегаэпитета. Вводимое в исследовании понятие *эпитетная парадигма* как совокупность адъективной лексики, формирующей ядро идиостиля, призвано отразить особенности работы поэта с эпитетными словами: отбор слов, употребляемых в качестве эпитета, производится ситуативно и связан с коммуникативной спецификой личности М.И. Цветаевой, с этапом в жизни, творчестве, с эмоциональными событиями, переживаниями. В силу этого факта эпитет приобретает статус не просто художественного средства или тропа, а *доминанты творчества*, своеобразной парадигмы творчества, отражающей языковые и смысловые предпочтения автора.

Частично соотносимым понятием выступает термин *мегаэпитет*. Е.Ф. Киров в рамках теории дискурса говорит о так называемом мегаэпитете, организующем текстовые фрагменты [Киров 2019]. Мегаэпитет в его трактовке объединяет различные фрагменты дискурса (стихотворения в составе цикла, серию статей и т.д.), выступая скрепляющим элементом и выражающим основную мысль (интенцию) автора текста. Данный термин передает по сути явление, которое ранее именовалось сквозным эпитетом, повторяющимся признаком, акцентируемым автором из текста в текст. Возможно, это применимо к публицистической речи или к рекламному дискурсу, где психологически важно актуализировать определенный смысл, несущий важную для реципиента информацию. В случае функционирования подобного понятия в художественном дискурсе вряд ли данный термин привнесет что-то принципиально новое в теорию эпитета (упомянем и отсутствие примеров мегаэпитета в указанной выше работе автора).

Проблеме типологии эпитетов уделялось также немало внимания со стороны лингвистов. Отсутствие единой классификации признаков слов высвечивает вопрос о критериях разграничения видов эпитетов, а это непосредственно связано с обозначенной выше проблемой понимания самой природы эпитета. Так, если исходить из традиционного понимания эпитета как приложенного признака к имени, то типов эпитетов будет

немного и большинство из них будут выделены по функциональному критерию (изобразительный, лирический, эмоциональный) или по сфере употребления (постоянный, переносный, тавтологический). Продуктивнее и перспективнее широкая трактовка эпитета, признающая много различных типологий: формальную (морфологическую, структурную), семантическую, синтаксическую, текстовую [Москвин 2001].

Объектом анализа в данной статье выступает весь корпус адъективной лексики в текстах Марины Цветаевой. Методами исследования выступили описание языковых фактов, семантический анализ, когнитивный анализ, статистические методы.

Материалом для анализа в данной статье послужили тексты Марины Цветаевой различных жанров: это стихотворения, поэмы, в том числе фольклорные, прозаические тексты (эссе, воспоминания, дневниковые записи, письма), драматургия. Всего выявлено более 3500 контекстов с эпитетами и эпитетоидами (признаковой лексикой). Преобладают, безусловно, словоупотребления из стихотворных произведений.

Примеры употребления эпитетов приводятся из собрания сочинений Марины Цветаевой в 7 томах с указанием номера тома и номера страницы [Цветаева 1994].

Цветаеведение очень детально останавливается на особенностях идиолекта, выявляет окказиональные словоупотребления, делает выводы относительно связи языка поэта и его мировоззрения [Зубова 1999; Черных 2003; Широлапова 1997]. Сложнее обстоит вопрос с описанием всего объема определенного типа лексики в текстах Марины Цветаевой, поскольку на таком материале сложнее сделать выводы о тех или иных языковых закономерностях; именно поэтому логичнее взглянуть на данную проблему с когнитивной позиции: проанализировать не только результат творческой работы писателя, но и логику конструирования образных выражений [Губанов 2016, 2018].

Рассмотрим далее систему типов эпитетов, вначале исходя из традиционно выделяемых экспликаторов, а затем обратим внимание на менее распространенные и очевидные типы эпитетов, доказав при этом, что это также эпитеты, а не эпитетоиды.

1. Эпитеты-прилагательные (более 2200 примеров употреблений).

Будучи наиболее широко представленными, данный тип эпитетов богато репрезентирован различными словоформами, а именно:

– качественным прилагательным:

В страну... печальных глаз... [Цветаева 1994, т. 1: 21]; *Это – голодной тоски обглодки* [Цветаева 1994, т. 3: 111]; *По холмам – круглым и смуглым* [Цветаева 1994, т. 2: 17]; *Ум – отрезвленной, грудь свободней*

[Цветаева 1994, т. 1: 217]; *На заре – **наимедленнейшая** кровь / На заре – **наиявственнейшая** тишь* [Цветаева 1994, т. 2: 98].

Представленные выше некоторые примеры употребления прилагательных в качестве эпитетов демонстрируют широкий спектр как формальной выраженности адъективов (наличие степеней сравнения, в том числе окказионально образованных), так и переносных значений (в основном антропоморфных – *голодная тоска, смуглые холмы*).

– относительно-притяжательным прилагательным:

*Торопится красным гоном Мой **конный** сон* [Цветаева 1994, т. 3: 20]; ***Чешский** лесок – самый лесной* [Цветаева 1994, т. 2: 351]; *Словно кто на лоб ей выжал / Персик **апельсинный**. / **Апельсинный, абрикосный,** / Лейся, сок души роскошный, / Лейся вдоль щек – / Сок **преценный, янтаревый,** / Дар души ее суровой, / Лейся в песок!* [Цветаева 1994, т. 3: 234].

Специфика переходного разряда адъективов кроется в их особой семантической пластичности: несмотря на наличие относительного значения и притяжательной семантики, многие из них могут интерпретироваться как качественные, поэтому граница между разрядами весьма условна (*янтаревый* – желтый, чистый; *чешский* – родной, мой).

– притяжательным прилагательным:

***Сыновней** гордостью встретил - чин* [Цветаева 1994, т. 2: 326]; *Она томилась лаской **Вакховой**...* [Цветаева 1994, т. 2: 186].

В текстах поэта данный тип адъектива используется в традиционной форме с целью указания на принадлежность, с привнесением дополнительных сем качественного типа.

2. Эпитеты-наречия (650 примеров употреблений):

*О, как **солнечно** и как **звездно** / Начат жизненный первый том!* [Цветаева 1994, т. 1:196] *Парень! Не **по-маяковски** / Действуешь: **по-шаховски*** [Цветаева 1994, т. 2: 276].

Наречия, наряду с прилагательными, всегда признаются ядерной частью средств экспликации эпитета, однако подчеркивается их отношение к глагольному признаку, что несколько отодвигает их на периферию. В нашем материале наречия-эпитеты довольно многочисленны и разнообразны с семантической точки зрения. Антонимические наречия сближаются и становятся выразителем ситуации, авторски прочувствованной и оцененной: *солнечно и звездно*. Наречия на -ски содержат отсылку к лицу, поэтому очень ситуативны и оценочны.

Иногда окказиональные формы единых блоков-наречий содержат в своем составе частицы, усилительные маркеры:

*... и с такою длинной – **Вот-до-полу-косой**, чтоб не узнал!* [Цветаева 1994, т. 1: 518].

3. Эпитеты-аппозитивы (субстантивы) (186 примеров употреблений):

Простор-человек, Ниотколь-человек, Сквозь-пол-человек, Прошел-человек. [Цветаева 1994, т. 2: 103].

Существительные в функции эпитета представлены аппозитивами-приложениями, выражающими признак лица через указание на его основную черту, что сближает их с местоимениями (*ниотколь – ниоткуда пришедший; прошел – который прошел*).

4. Эпитеты-причастия (155 примеров употреблений):

(рук) *Старческих, не знающих стыда* [Цветаева 1994, т. 2: 147]; *В глазах, упорствующих в пол* [Цветаева 1994, т. 2: 212]; *Рука, играющая со сталью* [1:245]; *Душа, не знающая меры / Душа хлыста и изувера, / Тоскующая по плечу* [Цветаева 1994, т. 2: 19].

Несмотря на многие исследования, утверждающие, что причастные формы глагола не являются основным средством выражения эпитета и относятся к эпитетоидам, в работе принимаем позицию, согласно которой причастия относятся к эпитетам в полной мере. Они выражают признак предмета по действию, следовательно относятся к признаковой лексике. В составе причастия или причастного оборота можно полно выразить видение некой ситуации, дать «событийную» характеристику явлению, предмету или лицу: душа безмерная и способная тосковать; руки, не знающие стыда (вместо *бесстыжие*).

5. Эпитеты-местоимения (102 примера употреблений):

Мой путь не лежит мимо дому – твоего – ничего [Цветаева 1994, т. 3: 539].

В текстах Марины Цветаевой местоимения чаще входят в состав особых блочных эпитетов [Губанов 2016], где содержат указание на лицо, предмет, ситуацию, но при этом выступая в качестве определителей. В приведенном примере наличие тире и особой интонации выделения делают местоимения центром высказывания и, безусловно, являются эпитетами.

6. Эпитеты-деепричастия (33 примера употреблений):

Носу – уже с заносом / Бега – с трудом вкопав / В землю, смеясь, что первой / Встала, в зари венце, – / Макс, мне было так верно / Ждать на твоём крыльце! [Цветаева 1994, т. 2: 306].

Обычно находясь на периферии эпитетной системы, деепричастия ближе фразовым эпитетам, поскольку чаще образуют деепричастный оборот без перехода в наречия и обрисовывают некую ситуацию. Добавочное обстоятельственное значение придает динамике описываемому событию и уточняет ее детали.

7. Эпитеты-фразы (255 примеров употреблений).

Писала я на аспидной доске, / И на листочках вееров поблеклых, / И на речном, и на морском песке, / Коньками по льду и кольцом на стеклах, – / И на стволах, которым сотни зим... / И, наконец, – чтоб стало всем известно! / Что ты любим, любим, любим! [Цветаева 1994, т. 1: 538].

Фразовый эпитет включает в себя несколько слов, части придаточных предложений, развернутые определения; при этом все слова относятся к эпитету, поскольку связаны между собой семантически и синтаксически и дают характеристику ситуации.

Если было бы правомерно принять узкую трактовку эпитета как сугубо художественного определения, выраженного адъективным словом или наречием, то невозможна бы была интерпретация представленного ниже отрывка из письма М. Цветаевой:

Маяковский – это кладбище Войны и Мира, это родины Октября, это Вандомский столп, задумавший жениться на площади Конкорд, это чугунный Понятовский, грозящий России, и некто (сам Маяковский) с живого пьедестала толп – ему грозящий, это на Версаль идущее «хлеба!»... [Цветаева 1994, т. 5: 305].

Перед нами фразовый, развернутый эпитет, который формирует предикативное высказывание: каждое слово в составе авторского определения выступает ключевым, окказиональным эпитетом. В качестве такового выступают и аппозитивы (*кладбище, родины, столп*), и причастия (*задумавший, грозящий*), и неопределенное местоимение *некто*, имеющее расшифровку в скобках, даже авторское обращение *хлеба!* имеет атрибутивную семантику. При подобной развернутой многоаспектной и непременно индивидуальной характеристике лица, воспринятой ситуативно и прецедентно (упоминание исторических событий и имен собственных), говорить об эпитетоидах уже не приходится. Данные наблюдения приводят к следующим выводам.

В текстах Марины Цветаевой практически каждое слово воспринимается как центр высказывания, отсутствуют случайные или незначимые слова (см. в ее письмах утверждение о том, что она каждый день ищет эпитета, т.е. одного слова). В силу этого обстоятельства можно с уверенностью говорить об эфемерности существования такого понятия, как «квазиэпитет» (эпитетоид), поскольку любая языковая единица, содержащая в своей семантике атрибутизацию, так или иначе становится полноценным эпитетом.

Хотелось бы отметить, что данная черта идиолекта и идиостиля Марины Цветаевой является, безусловно, специфичной и связана с ее авторской установкой на ситуативное означивание всех реалий через призму индивидуального, заостренно эмоционального восприятия. Но если обобщить приведенные выше наблюдения в рамках общей теории эпитета, можно, на наш взгляд, принять широкую трактовку эпитета в приложении к любому авторскому тексту. Непредсказуемость художественного мышления порождает неузуальные словоупотребления, и никогда неизвестно, какое слово и в какой ситуации будет выступать в функции эпитета. Понятие эпитетоида же лишь уводит от сути явления эпитета, обрисовывая узкий круг лексем-эпитетов и лишая другие знаковые

слова (или те, в которых признаковая семантика представлена наравне с другой) способности нести оценочную и экспрессивную функцию.

С одной стороны, необходимо признать непредсказуемость авторской логики эпитетообразования, с другой стороны, существует общая закономерность, говорящая о том, что за счет гибкости и семантической пластичности эпитет может образовываться самым неожиданным образом, но в рамках идиостиля такая окказиональность является своего рода нормой, так как распространяется только в пределах идиолекта. Эпитетная парадигма, по нашему мнению, реализуется следующим образом. При попадании признаковой лексики в необычное семантическое окружение происходит окказиональное когнитивное означивание ситуации в целом, в результате чего каждая языковая единица получает неповторимое значение. С точки зрения узуса, данные словоупотребления могут не укладываться в привычные рамки, но в пределах идиостиля они выступают его частью-экспликатором, из-за чего становятся для авторского языка вполне объяснимыми и оправданными. По этой причине представляется логичным всегда анализировать идиолект в целом, в контексте всего творчества, тогда как одно из языковых средств будет репрезентировать часть всей идиостилевой системы, но в ней отражается логика языкового поиска.

Эпитет как лексема с признаковой семантикой неизменно является центром высказывания, даже выступая в роли определения, так или иначе обращая на себя внимание. В связи с этим признаем широкое понимание эпитета как лексемы принципиально любой части речи, способной выразить атрибутивно-предикативную семантику и стать центром авторского высказывания. Признаковая лексика как никакая другая способна обновлять свою семантику в различном контекстуальном окружении. Параметризация действительности делает ее незаменимым средством описания любого объекта или лица, что влечет за собой пристальное внимание к употреблению различных средств выражения эпитетов. Эпитет выступает не как простое выразительное средство (троп), а как экспликатор процесса авторской категоризации реальности.

Описанные выше наблюдения за системой признаковой лексики в текстах Марины Цветаевой имеют далеко идущие обобщения, которые могут привести к значительным выводам относительно идиостиля поэта и теории эпитета. Если принять за основу тот факт, что контекстуальные условия эпитетации обуславливают логику образования эпитетов, то это открывает большие возможности для изучения признаковой лексики любого писателя или поэта в любой исторический период. Нами не было отмечено ни одного поэта или писателя, который бы так разнообразно использовал данный пласт лексики, как это делает Марина Цветаева; дело не только в окказионализмах или необычной лексической сочетаемости, а в том, насколько часто признаковая лексика становится

смыслообразующим центром высказывания. В связи с этим необходимо признать значимость когнитивно-семантического анализа эпитета, который проливает свет на принципы подбора и образования эпитетов. Серия исследований, посвященных формальным и семантическим типам эпитетов, доказывает состоятельность выдвинутой гипотезы.

Библиографический список

Булахова Н.П., Сквородников А.П. К определению понятия эпитет (предуготовление к функциональной характеристике) // *Экология языка и коммуникативная практика*. 2017. №2 (9). С. 122–143.

Вольф Е.М. Грамматика и семантика прилагательного: на материале иберо-романских языков. М.: Наука, 1978. 200 с.

Глушкова В.Г. Лингвостилистические особенности эпитетов в художественной прозе С.Н. Есина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2000. 23 с.

Губанов С.А. Лингвокогнитивные механизмы образования эпитетов [Электронный ресурс] // *Теория языка и межкультурная коммуникация*. 2018. №4 (31). С. 46–57. URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/1637/ (дата обращения: 31.03.2020).

Губанов С.А. Теория эпитета: основные подходы: монография. Самара: ООО ПД «ДСМ», 2016. 144 с.

Зубова Л.В. Язык поэзии Марины Цветаевой (фонетика, словообразование, фразеология). СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 1999. 232 с.

Киров Е.Ф. Дискурсема и мегаэпитет в дискурсологии // *Казанская наука*. 2019. №3. С. 93–95.

Москвин В.П. Эпитет в художественной речи // *Русская речь*. 2001. №4. С. 28–34.

Померанец И.Б. Развитие эпитета как отражение изменений картины мира: дис. ... канд. филол. наук. СПб, 2004. 175 с.

Тазиева Е.М. Окачество относительных прилагательных в современном русском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1991. 115 с.

Цветаева М.И. Собрание сочинений: в 7 томах. М.: Эллис-Лак, 1994. Т. 1-7.

Черных Н.В. Семантическая емкость слова (на материале творчества М. Цветаевой): дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2003. 297 с.

Широлапова Н.Ю. Лексико-стилистические средства поэзии М. Цветаевой: дис. ... канд. филол. наук. М., 1997. 217 с.

Юдина Н.В. Лексическая сочетаемость в когнитивном аспекте: на материале конструкции «прилагательное+существительное»: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006. 400 с.